

**МИХАИЛ
ГЕФТЕР**

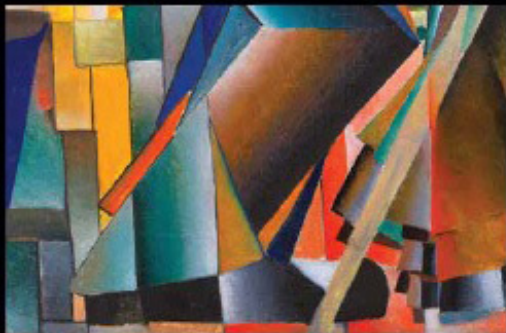
В РАЗГОВОРАХ
с ГЛЕБОМ
ПАВЛОВСКИМ

**НЕОСТАНОВЛЕННАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

1917

**100 ЛЕТ
В СТА
ФРАГМЕНТАХ**

Михаил Яковлевич Гефтер 1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22957688

1917. Неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах.

Разговоры с Глебом Павловским: Европа; Москва; 2017

ISBN 978-5-9739-0223-0

Аннотация

Эта книга бесед политолога Глеба Павловского с выдающимся историком и философом Михаилом Гефтером (1918–1995) посвящена политике и метафизике Революции 1917 года. В отличие от других великих революций, русская остановлена не была. У нее не было «термидора», и, по мысли историка, Революция все еще длится. Участник событий XX века, Гефтер относил себя к советскому «метапоколению». Он трактует историю государственного тела России как глобального по происхождению. В этом тайна безумия царя Ивана Грозного и тираноборцев «Народной воли», катастрофы революционных интеллигентов и антиреволюционера Петра Столыпина. Здесь

исток харизмы и политических технологий Владимира Ульянова (Ленина). Коммунистическая революция началась в Петрограде Серебряного века и породила волну мировых последствий – от деколонизации до Гитлера и от образования антифашистской Европы до КНР Мао Цзэдуна. Но и распад СССР ее не остановил. В тайне неостановленной Революции Михаил Гефтер находил причины провала проекта российского национального государства 1990-х годов и даже симптомы фашизации. Автор глубоко признателен Institut für die Wissenschaft en vom Menschen в Вене за волнующую атмосферу точного мышления и научному сотруднику IWM Ивану Крастеву за проницательное обсуждение идей этой книги.

Содержание

От составителя	6
«Я марсианин». Революционное метапоколение	14
Часть 1. Революция и ее остановка	25
1. Революция глазами марсиан. Причина революции – незаданный Мир. Подрыв заданности	25
2. Вторичная заданность революций. Бухарин на Лубянке	28
3. Неутопический утопист как порода. От Номо повус к оборотням революции	29
4. Определение революций. «Черный ящик». Сотворение врагов и отказ от лояльности	31
5. Революция аномальна. Как ее останавливают? Термидорианцы и имперские нации	34
6. Октябрьская революция никогда не была остановлена. Русская проблема нормы. Ряд Утопия – Революция – История – Человечество	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Гефтер
1917. Неостановленная
революция. Сто лет в ста
фрагментах. Разговоры
с Глебом Павловским

© Издательство «Европа», 2017

* * *

От составителя

Этим – четвертым – сборником моих записей я думал было завершить публикацию разговоров с Михаилом Яковлевичем Гефтером¹, но встретил два препятствия. Первое: некоторые записи расширяют ранее опубликованные, и их уместно соединить в один сюжет. Но тогда надо заново пересмотреть прошлые публикации – трудоемкая задача, я к ней пока не готов. И главное: в новых записях разговоров о 1917 году открылся забывшийся поворот сюжета – гефтеровская идея *неостановленной Революции*. Я поражен, как прочно забыта эта его важная мысль. (Не она ли в оранжевые дни Украины вырвалась из моего бессознательного глупейшим призывом «дать революции в морду»?)

Говоря о неостановленной революции, Гефтер скрыто цитирует название известной книги Исаака Дойчера *The Unfinished Revolution*. Но у Дойчера речь о *неоконченной* – дьявольская разница! Нескончаемой стремится быть всякая революция, проблема по Гефтеру в другом: кто ее остановит и удалось ли это ему? Уходящий историк думал, что России не удалось. Более того, и в 1994 году он полагал, что Револю-

¹ «Тренировка по истории. Мастер-классы Гефтера» (2004), «1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером» (2014), «Третьего тысячелетия не будет. Русская история, игры с человечеством. Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским» (2015).

ция 1917-го все еще *остается* неостановленной. И я решил собрать книгу вокруг этой проблемы.

Сюда не включены те гефтеровские диалоги об Октябре, что опубликованы мной ранее (среди них есть истинно великолепные). Пунктир фрагментов объединен одной мыслью-вопросом Гефтера: *почему русская Революция не завершилась?* Это связано со вторым вопросом: *как вообще она могла сбыться?* Мужичья мировая коммунистическая Революция в городе Петрограде, метрополии Серебряного века!

Во втором десятилетии XX века настал судный час континентальных империй. Российская империя шла повторить судьбу сестер – дуалистической Австро-Венгрии, рейха Гогенцоллернов и Османской империи. Но случилось нечто *непредуказанное* (термин Гефтера): пространство империи спаслось от распада, хоть и ценой империи. Русский мировой коммунизм – утопия открыла большевизму путь к сотворению Советской России. Небывалое русское государство возникло в оболочке глобалистской утопии, надорвалось, и его захватил Сталин. Имперская революция «*в отдельно взятой стране*» – монополия на власть, поддержанная ленинской новацией введения массы во власть.

Гефтер не утверждал, что русская Революция какая-то неправильная, в отличие от «нормальных», – это мы обманулись иллюзией однократности. Революции не останавли-

ваются, пока не предъявлена альтернатива *нормальности* – *Термидор*. Революция все обращает в ресурс чего-либо – ресурс утопии, ресурс процесса реформ, ресурс русского мира. И повседневная жизнь в ней тоже лишь ресурс. Нормальное взламывают ради нового, всегда «великого» и «мирового». Институты подменяют проектами – и nation building становится невозможным.

В каждой революции есть тенденция *не прекращаться*, проваливаясь к темным основаниям Homo historicus. Но произошло это только однажды в России. Жаловаться нелепо, и некому оплакивать дворянские поместья, где росли Ульянов, Набоков и Софья Перовская, с половиной отцов русской классики. Владимир Ульянов (Ленин) задумывал *остановить* Октябрьскую революцию, но не довел до конца скандально термидорианский проект. По Гефтеру, «*самотермидорианец*» Ленин пришел перед смертью «к идее освободить людей от Революции». Но не успел, и навряд ли смог бы. По его смерти все, от палача-душеприказчика Сталина до мужичьего мстителя Ельцина, искали, чем *ее* остановить. Национал-большевизм Дзержинского и Бухарина, «кировская» нормализация 1934–1936 годов и даже ежовщина были попытками термидора, однако сталинские термидорианцы всякий раз попадали в рабство к Революции. Из революционной материи Сталин воздвиг всемирную державу, которая поэтому не стала ни национальным государством, ни второй Российской империей.

Сталин сдерживает и консервирует Революцию *«в моду» ее самоувековечивания. Когда революция уже не освобождает раба, а творит анти-Мир»*. Ответом на это извне пришел гитлеровский термидор плана «Барбаросса». Вторжение 1941 года – решительнейшая из всех попыток раздавить Революцию. Гитлер шел заканчивать большой сталинский террор и был уверен, что для этого ему хватит танкового *coup de grace*. Но русская Революция победила и тут: *«Что теперь могло ее остановить?»* – спрашивает Гефтер. Сдерживание Революции теперь неминуемо становилось целью послевоенного международного порядка. Родилась холодная война.

Эти размышления Гефтера инициировали ельцинские расстрелы: *«Октябрь без термидора»* еще раз вернулся в Россию 1993 года. Возникнув в те дни, сюжет Революции, не остановленной им, скорей был назван, чем развернут. Он переплетен с иными темами, волновавшими Гефтера под конец. Еще с прошлой книги я начал удалять из записей большинство чужих реплик и комментариев, включая свои. В жизни гефтеров *ipsissime vox* прерывался нашей злободневной политической болтовней. Храня речевую интонацию его мышления, я не забочусь, в каком из разговоров это рассуждение или реплика прозвучали, но сохраняю сложный ход его мыслей. (Немногие исключения – фрагмент 93, где я излагаю Михаилу Яковлевичу идею безальтернативности из статьи о «беловежском человеке» для сборника «Иное». И наш важный разговор о «генетической вмятине», он вы-

несен в приложение.)

От первой постановки вопроса о встрече Революции и России разговор ведет к истории возникновения Ленина из Ульянова, в его внутреннем диалоге с Чернышевским. Любимый XIX век Гефтер видел осевой эпохой русского *мыслящего движения* – антирабского, освободительного, сейчас бы сказали – либерального. Но освободительная харизма XIX века подытожилась харизмой лидера большевизма.

Рассуждение о роли *протагониста* в истории дано здесь лишь применительно к А. Д. Сахарову (фрагменты, трактующие тот же сюжет в связи с Гамлетом, в этот сборник не поместились). Они переходят в тему русской интеллигенции, чью катастрофу Гефтер тяжело переживал в 1993–1995 годах. То, что он обсуждал ее и со мной, не отменяет факта, что бедственные симптомы он усматривал во мне также.

Тема исторической *альтернативы* – из труднейших в историософии Гефтера. Здесь она хорошо проиллюстрирована на сюжете Столыпин – Ленин: крайние полюса аграрной альтернативы в империи предстают и соавторами Революции. Лучший русский премьер и безжалостный контрреволюционер Петр Столыпин невольно подстегнул мужицкую утопию *черного передела*. Ленин переиграл премьера на его поле и с его помощью. Без противоречивых реформ Столыпина сам Ленин остался бы вне игры. Бездальним умником-одиночкой, как Роза Люксембург или – на другом конце спектра – националист Петр Струве, кумир Ульянова в молодости.

Читателя особенно затрудняет понимание гефтеровских размышлений о *предальтернативах* как генераторах истории (тема, которую у Гефтера особенно ценил А. М. Пятигорский). Предальтернатива – альтернатива едва наметившаяся, оставаясь невоплощенной. Она относится к *неосуществленному* и часто не могущему осуществиться. Но несбывшееся для потомков, для современников, действовавших тогда, часто выглядит реальным. Одни в этом видят дух времени и реальную ставку, другие – угрозу себе. Такая возможность, не найдя себе формы и языка, обычно забывается. Что не сбылось, того после будто и не бывало – ведь историки пишут от имени сбывшегося. А нам отсюда уже почти не понять, как несбывшееся порождало великих и чудовищных монстров истории.

Главный вывод Михаила Гефтера: мы и в новой России по сей день обитаем в ландшафте *неостановленной мировой Революции*, начатой петроградским обвалом Российской империи сто лет тому назад. Консервативная государственность РФ лишь видимость. Для Октября 1917 года *свой термидор* все никак не наступит, и важно понять: *что* именно удалось, когда русский термидор не удался? На каком такте неостановленной Революции Советский Союз рухнул, а мы застряли внутри? И к чему подходим теперь? В гефтеровском понимании Революция – антропологическая раселина, не имеющая причин, кроме себя самой и генезиса *Homo historicus*'а; ее духи могут вырваться снова. Но вряд ли

тем красным знаменем интеллигентско-мужицкой утопии, которую Гефтер называет «марсианской», – утопией братства народов в едином человечестве. Сегодня вероятней выброс темной материи из той части спектра, куда «черный перedel» сдвинул русскую великую и несчастную историю.

«Старик все пишет». Заканчивая путь жизни, Михаил Гефтер продумывал российский государственный проект 1990-х, с его неудачей на старте. Когда мы вели эти речи, Октябрь считали бесславно погребенным. Над Лениным ржали, на Революцию снимали фильмы-памфлеты Говорухин и Бортко, и глупым казалось к ней относиться серьезно. А еще через десять лет Кремль был занят проектами сопротивления Революции.

Историческое событие разворачивается, пока для него есть источники или что-то его не остановит. Революцию могли остановить много раз – и в двадцатые годы, и в тридцатые, и после Победы 1945-го... Кажется, Лаврентий Берия в Кремле 1953 года был последним, кто задумывал контр-Октябрь. Ельцин с людьми 1990-х ушел от своей термидорианской миссии – в эрзацы переименований, в самозванство звучно-ничтожных статусов. *Государство* ими не было понято как неотложная, *немедленная* задача. Оттого мы не живем в Российской Федерации. Мы бродим в лабиринте, в арсенале целей, средств и слов Революции – а та снова пытается восстать мировой. Но как ей стать мировой теперь, после смерти утопии, как не путем глобальной уничтожающей судороги?

Чрево еще плодовито.

Глеб Павловский Октябрь 2016

«Я марсианин».

Революционное метапоколение

Михаил Гефтер: Простая ли тема – свое поколение? На самом деле затруднительная. Человеку трудно быть открытым до конца, и грешно от него это требовать. Но затруднительно и по другим причинам. Станиславский где-то говорит: я родился при крепостном праве, когда дома еще освещались восковыми свечами. Если меня спросят: «А вы?» Если так начать книгу, что бы я сказал? Что родился в провинциальном городе Симферополе, где воду развозили в бочках и продавали? Что во двор приносили горячие бублики с маком? Как-то невыразительно это все, правда? Я из мира, которого уже нет. Сам я по прихоти судьбы есть, а мира, который мой, где я вырос, где потерял лучших друзей и множество близких, – этого мира уже нет.

Когда я пытаюсь вернуться к точке Мира, которого уже нет и откуда я, – что там, в опустевшем, осталось? Все вычеты произвели: кто там, не финал ли феллиниевых «Восьми с половиной»? Уже не живые – тени, призраки, а посреди них мальчик играет на флейте. Заменяю его мальчиком Мишей, играющим на пионерском горне. В пионерском отряде решили сделать костер из молитвенных книг, и он просит у бабушки отдать ее еврейскую молитвенную книгу... И моя

мудрая бабушка, любя внука, отдает! Она сняла только старинный переплет, оставила себе на память. Ужаснуться, пожалеть этого мальчика с пионерским горном? Сказать следующим: глядите, какими они были, – на ваше счастье, их нет и уже не будет?!

Тут всплывает расхожее слово: *поколение*.

Кем определяется поколение? Вероятно, детьми. Когда в XIX веке Иван Тургенев написал «Отцы и дети», Федор Михайлович Достоевский сказал: надо бы назвать «*Дети и отцы*». Верно – отсчет от детей, а отцы оказываются предшественниками. Это дети их делают прошлым поколением. Всплывает вопрос отсчета поколений: конфликт детей и отцов, он разве бывает в каждом поколении? Нет. Тургенев в 1850-1860-е годы: Базаров, конфликт, схватка! А в 1880-е годы яростные, непререкаемо идущие к цели народовольцы – дети благополучных родителей. Конфликта детей и отцов в их семьях почти нет.

И сколько вообще было этих громких конфликтов? Один в 1950-1960-х XIX века. Следующий – после Октября, в 1917–1919 годы.

Состоятельные дети шли в революцию, – и опять разрывы, переворачивания... А далее, пожалуй, только в 1950-1960-е годы нашего века, когда в послесталинское время снова вспыхнул конфликт детей с отцами. А сейчас есть он, конфликт поколений? Его нет! Но тогда и поколения нет?

А что было между? 1920-е, к началу 1930-х, – конфликт

детей и отцов, 1950-1960-е – конфликт детей и отцов. Между этими двумя конфликтами нечто большее, чем поколение, – *метапоколение*. Не на одно лицо, не одной судьбы, но с множеством роднящих могил и переизбытком смертей, сближающих людей. Метапоколению, расположенному между двух конфликтов детей и отцов XX века, трудно дать определение. Как назвать это метапоколение – постоктябрьским по хронологии? Постреволюционным по образу действия? Социалистическим – по той цели, надежде, иллюзии, которая двигала активным меньшинством, которое и образует лицо поколения?

Что вынести за общую скобку? Не буду оригинален: это прежде всего отношение к истории, странное, теперь трудно передаваемое. Непередаваемое ощущение, что не просто соучаствуешь в истории – ее творишь. Ты в ней постоянно присутствуешь. Утром встал – и ты в истории; спать ложишься – в истории. Все, что тебя окружает, эфир жизни, – все это история. Ты в ней, она – в тебе. Это сильное чувство? Да! Страшное? Должен тебе сказать – да. Это растворение в истории, когда все, что вне ее – обычное человеческое существование, – не исключается, но его почти не замечаешь. Оно не в цене, а в цене то, что в истории и что зовется историей.

Такое сознание можно назвать романтизмом, фанатизмом – как угодно! Grimасой этого ощущения остались советские словесные штампы. Каждый пленум был наперед «исто-

рический»; каждый съезд уже заведомо исторический, каждая встреча и речь – исторические... А уж каждое слово ОДНОГО – не подлежит сомнению, что оно историческое! И Сталин так выговаривал слова, чтобы мы их действительно историческими ощущали.

Состояние, когда все измеряется историей, – двигатель людей страшно сильный, но и яма провальная. Пошлое выражение «война все спишет» вытекало из ощущения, что история списывает все. Жертвы ей принадлежат по праву, история и жертвы – едино суть. Жаловаться или быть готовым стать жертвой?

К этому прибавь плотность времени. История очень плотна, хотя, конечно, это иллюзорное переживание. Уплотнение времени обусловлено растворением в истории, которая, в свою очередь, немыслима без жертв. Оно зовет тебя, оно указывает и врагов. И все где-то сводится к понятию, идущему от времен раннего катакомбного христианства: новая тварь, Судный день. А у нас – революция и новый человек! Но с человеком старым как быть? Если кто-то из новых «устаревает», как быть с такими? *Вычеркнуть* их – и тебе нужно соглашаться с вычеркиванием. Раз в основе всего новые люди, они в фокусе истории, появляются *новые старые* – отсталые, устаревшие, подлежащие вычеркиванию. Они первые кандидаты в жертвы, и чему удивляться?

Недавно, в третьем номере журнала «Источник» за этот год (1994), напечатана речь Сталина на военном совете после

уничтожения Тухачевского и других полководцев. Страшная речь, но очень важная. У Сталина там примечательнейшая по откровенности и точности фраза: наша сила – *люди без имени!* Те новые люди, что пришли во власть после Октября, были с громкими именами, но теперь пришла пора *других новых* – тех, кто без имени. Их множество, и они наша сила. «Люди без имени» – они тоже из моего метапоколения.

Наше метапоколение совестливым было или бессовестным? Замечательный человек первой эмиграции Георгий Федотов, говоря про *иммoralизм* Ленина, имел в виду, конечно, и нас – тех, кто от Ленина. Дословно иммoralизм означает безнравственность, но не корыстную безнравственность по расчету (хотя и была такая). Не одну безнравственность из карьеристских соображений. Имморализм – это низкий, на ноль сведенный *иммунитет к безнравственности*.

Селекция по убыванию человечности не слишком замечалась моим поколением. А почему? Раз все есть история, а та всегда в действии, вечно в спешке, то что может дать истории оценку вне ее самой? Где поместить нравственную оценку *вне* самого действия?! Десять заповедей? Не надо обманываться: когда история правит бал, когда действие вербует людей, эти люди рвутся вперед, в бой! Готовые соглашаться с тем, что убывают, исчезают, уничтожаются многие из них. Если есть на это совестливое разрешение, то быть ли ему вне действия, вне истории? Все, что *вне*, не работает. А все, что

внутри, работает на потребу истории.

Но это мы, отождествив себя с историей, сотворили многое благодаря этому. Это мы в 1941-1942-м смертями друзей остановили Гитлера. Мое поколение не может считать себя не в ответе. Нам пристало честно рассказать о нашем имморализме, а тем, кто пришел после, – выслушать нас и подумать о себе. Такая встреча, такой разговор были бы полезны.

Слабость публицистических сочинений о том времени – во всех воспоминаниях время течет ровно, изо дня в день. Между тем процесс шел *асинхронно*. Неверно, что Сталин владел нами с момента появления у власти. К тому шло – и пришло, но не до конца. И шло-то не в едином строю. Сокровенный момент, связанный с именем Сталина, – *вытап-тывание различий*. Приведение всех к тождеству реакций, оценок, эмоций. Однако не только в том дело, что Сталин не мог уловить все души сразу, а в том, что, улавливая, ему самому приходилось учиться преодолевать сопротивление наших душ. Существенна асинхронность процесса.

В начале 1930-х – страшная человеческая перетасовка, именуемая *сплошной коллективизацией*... Но к тому же порогу человеческий талант, поэтический гений в литературе достигают высот, освоив свершившееся в людских судьбах после революции. Что же, они заодно – коллективизация и Эйзенштейн? Сталин и воронежский Мандельштам? Ягода и Андрей Платонов? Станный расцвет советского кино того времени сопоставим со взрывом итальянского неореализма,

а литература – с пришествием латиноамериканского романа.

Асинхронный, глубоко не-единый процесс Тридцатых. В судьбах и людях будто бы рядом идут два процесса: нарастающая индивидуализация – и агрессивное усреднение. Забылось, как усреднение *нарастал*. Интереснейшие эпизоды возникали! После долгого пребывания за границей возвращается в СССР Эйзенштейн, автор потрясшего мир «Броненосца “Потемкин”». С удивлением обнаруживает новое советское кино, где уже не восставшая масса, не толпа выступает творящим себя героем, но вдруг появились одиночки, индивидуальности. «Подруги» Арнштама или «Чапаев» Васильева. И сам я в мои университетские годы принадлежу к счастливому срезу студенческой жизни. Мы были все очень родственны, очень близки: выходцы из средних школ, в большинстве с аттестатами отличников – и все очень индивидуализированы. Это ничуть не мешало, это нам помогало. И эти индивидуальности, для вас якобы на одно лицо, – погибли в два считанных дня, когда наша ополченческая дивизия попала на острие немецкого танкового клина. Вот судьба молодых интеллигентов.

Вот замечательный, мой любимый рассказ Шукшина, рассказ-притча. Лето, колхоз, страда уборочная. Председатель колхоза, пожилых лет человек, не спит, а на улице горланят песни: молодежь гуляет, второй, третий час ночи – завтра же на работу! И дочка неприкаянная, не нашедшая себя... Вот он выходит на улицу, чтоб урезонить их, разослать по

домам. Возвращаясь, ложится в кровать рядом с женой, как вдруг – видение ему, воспоминание детства, когда отец взял их с младшим братиком в ночное, пасти лошадей. Кони, ночное небо, братик внезапно заболевает – то ли скарлатина накатилась, то ли ложный круп. Он хрипит, синеет, и отец говорит мальцу – на лошадь, скачи за врачом! А брат умирает, но в памяти у него – эта ночь и он сам, скачущий на коне! И вдруг он себе признается: ничего в моей жизни, кроме этого, не было – ни-че-го. Там я был вольный, свободный, птицей мчащийся на коне! А после сказали: жениться надо – я женился. Надо служить в армии, родину защищать – я служил. Надо было – пришел восстанавливать колхоз. И вся жизнь из одних «надо» и «должен», а в памяти – только та ночь!

Вот я о чем: этих людей окружающее усредняло с нарастающей силой, – и не усреднило, не смогло! Оказалось неспособным усреднить до степени, когда бы утратилась, хоть в памяти, их индивидуальность. Поэтому, когда при мне говорят: «Есть такое выражение: *тоталитарная личность*», для меня это просто глупость или ложь. Какая может быть «тоталитарная личность», пока она личность?

Был *остаток* невытаптываемой индивидуальности. В рамках тоталитаризма, который, несмотря на усилия, при смертях, им несомых, им втесняемых идей, не смог всех свести к одному. Не имея этот феномен в виду, не объясните войну. Не объясните 1941-й, 1942-й с «Василием Теркиным» – странной поэмой, которая была на устах миллио-

нов солдат, но где нет ни одного упоминания партии. Кроме единственной иронической фразы командира дивизии: «Твой цека и твой Калинин» – как это объяснить?

Ведь вот такая вещь: говоря, я пытался войти в корень этого моего «метапоколения». В его отношение к истории, которой, думали мы, Сталин руководит, Сталин ведет. А оказалось, наоборот – это история Сталиным распорядилась, подобрав соответствующий персонаж. Но что происходит далее с поприщем ненасытной всеприсутствующей истории? Она начинает распоряжаться любыми помыслами, любыми человеческими судьбами. Люди вроде бы действуют, но в конце тяжелой коллизии, где могилы, кровь, война, – возникает то, что Герцен замечательно назвал *простором отсутствия*.

Тут подхожу к самому существенному. Разные родословной и происхождением режимы Гитлера и Сталина, отличные во многих отношениях, шли навстречу друг другу. Уничтожением людей? Да. Но еще и покушением на индивидуальную смерть человека. Дело дошло до точки, где человек остался один и наедине с собой принимал решения о своей судьбе, как в 1941-м, когда рушилось все. Этот человек отстоял не только жизнь – он отстоял и смерть.

Вот почему тоталитаризм не бывает стопроцентным, а существование фашистов не ведет человеческую ситуацию к фашизму. Есть резерв духовных свойств человека, который, даже не помышляя о том, что делает, – защищает и жизнь,

и смерть. Отстаивает их, возвращает в человеческое бытие, в повседневность. И это не вчерашнего дня проблема. Она еще постучится в нашу дверь, заставляя задуматься о судьбе того «метапоколения», о котором я веду речь.

История никогда не была ровной. Каждый день ее и год состоит из обрывов, из гамлетовых *безвремений*, которые ставят на острие шпаги их перевод в *междувременье*. А когда выясняется, что не удалось, на месте плотного, насыщенного поля истории вдруг разворачивается мертвящий простор отсутствия. Тогда любое может стать «целью», тогда на авансцену выходят люди, способные все превратить в квазицель. Переизбыток «исторического», максимально уплотненный во времени, вдруг обваливается в безвременье – причем такое, которое не в силах перейти в *междувременье*. Застряли!

Что же остается тогда? Многое. И обыкновенное человеческое бытие – великое обыкновенное. И великие «малые» дела. И еще остается память, которую надо сберечь в себе. У Брэдбери есть новелла: человек высаживается на Марсе и видит мертвые города – останки изощренной, умной, погубившей себя цивилизации. Вдруг он сталкивается с марсианином, чудом оставшимся здесь, и спрашивает – как это с вами приключилось, куда все ушли? А марсианин ему: взгляни, там жизнь! Эти города сияют огнями, они полны людей! Марсианин спускается в долину, где все полно продолжающейся жизнью. В то время как встреченный им землянин не видит ничего, кроме мертвых руин.

Считайте, что я марсианин.

Часть 1. Революция и ее остановка

1. Революция глазами марсиан. Причина революции – незаданный Мир. Подрыв заданности

– Представим себя марсианами, которые очутились на Земле и узнали, что с людьми тут случается нечто, что те называют революцией. Что такое революция, марсиане не знают; думаю, и мы знаем не вполне. И второе допущение: предположим, ее не стало – революция безвозвратно ушла. Мы вспоминаем о ней и не можем решить, что с этим воспоминанием делать. Оно нас мучает, а мы не понимаем чем. Как у Пастернака во вступлении к «905-му году»: «Это было при нас, это с нами вошло в поговорку. И уйдет. Стерся след; были – нет, от нее не осталось примет». Какая странная вещь: мы есть – те, с кем революции вошли в поговорку, а того, с чем вошли мы, нет и следа. «Были – нет». Провал памяти и провал времени.

– Мы на краю?²

– Да, и здесь опасно. Мы давно на краю. Обживать край

² Здесь и далее слова Глеба Павловского выделены отдельным шрифтом.

трудно, есть желание отодвинуться, но и оно опасно – без прошлого на краю. Сразу поставим себе вопрос: революция – это что? Это бывает всегда, со всеми? Или это однажды началось? Когда-то возникло и возвращается время от времени. Но ведь и состояние «время от времени» в истории тоже возникло однажды. По нынешним представлениям о длительности существования человека явление нашего предка позднее, достаточно близкое к нам. Время человека само когда-то возникло. Из чего?

Революция что-то человеческое останавливает, разрушает и нечто пытается воздвигнуть на месте разрушаемого. И мы хотим заглянуть туда, в глубину, насколько позволяет взгляд, – откуда это началось в человеке?

– И неизбежно ли?

– И неизбежно ли. Но при выяснении приходим к мысли, что люди вообще, мы все в гигантской степени заданы. Чем? Да всем. Мы заданы предками, родителями, детством, школой, обстоятельствами. Остался совсем небольшой зазор, где мы не заданы. Петр Чаадаев сказал когда-то, что Бог-Промыслитель уступил людям время. Время, вот зазор. А человек – странное существо, пытается раздвигать зазорчик все дальше и дальше. Человек сражается с заданностью.

– И безобразничает при этом?

– Да, человек – странное существо. Все его первомоменты заложены. Вот человеческий детеныш. Он единственный в

своем роде, который много лет живет при родителях, – мир живого такого не знает. Этого детеныша можно выучить математике или чему-то еще высшему на ранних возрастных ступенях. А как быть дальше? Остается долгий промежуток времени, и он должен быть заполнен. Раньше человека долго готовили к следующей деятельности. Но теперь и приготовить нельзя, и времени на это нужно меньше. Однако выясняется, что детство – это целая жизнь. Она должна быть прожита человеком, чтобы он смог полноценно, свободно, не безобразно жить еще одной, второй жизнью. А там подоспеет и третья.

Революция происходит из человеческой коллизии: давления неустранимой заданности. При минимальном зазоре, который мы, странные существа, пытаемся раздвинуть. Раздвигая, заходим все дальше, хотим оставить себя вовсе не заданными. И в раздвижку незаданности втянуть и вместить целый Мир. Здесь один из самых глубоких истоков революции. Возможно, это свойство человека, которое его творит, до известной степени смягчаемо. Может быть, это свойство можно сделать более разумным и безопасным – но оно есть, и из него на каком-то рубеже вышла революция.

2. Вторичная заданность революций. Бухарин на Лубянке

– Революция является самым взрывным способом преодоления заданности. Она это может, и Октябрьская это доказала.

– Но советская ситуация, где я рос, была в высшей степени заданной.

– В СССР возникла ситуация *вторичной заданности*. Опрокинув заданность, революция готовит новую. И новый вызов для того, кто хочет ее преодолеть в ее русле. Они должны обрести речевую силу опознания вторичной заданности, что потребует от них специфического поступка. Особенное опознание и особенный поступок! Связь может обернуться от особенного поступка к особенному опознанию. Преимущество Троцкого было в том, что он действием продвигал себя к опознанию сути дела. Бухарин мог дойти, но запнулся на специфичности должного поступка.

– За что ты ценишь лубянского Бухарина?

– В обстоятельствах, где вторичная заданность революции не опознана, она вела к обвальной деградации речи, где распознавание невозможно, – то есть к рабству. Бухарин на краю гибели, речами на суде и на Лубянке передал состояние человека, трагедией искупившего рабство.

3. Неутопический утопист как порода. От Homo novus к оборотням революции

– Не моя задача подыскивать людям большевизма извиняющие мотивы. Задача – понять: в ужасном крылось иное, что, не догадываясь о себе, вводило в человеческое измерение советского. Иное, что утрачено дважды – как боль и как масштаб. Опыт масштаба сегодня сокрушен и тем, что сама такая порода людей в России вымерла.

– Что за порода?

– Неутопические утописты. Типаж, без которого истории не было бы, и она его с упорством воспроизводит. Эти люди – кальдеры погасших вулканов, недо- или пред-альтернатив. Ими выстраивается ряд: *История – Утопия – Мир – Новая тварь*, а на продолжении этого ряда намечается Революция. Идеологичная и поначалу импровизируемая, революция вторым тактом ставит вопрос об организации, соподчиняя той собственное начало. Одни признаки в революциях повторяются, другие нет. Но есть признаки, без которых нет революции. Предпосылкой, целью и следствием революций является *несуществующий человек* – тот, кому должно возникнуть. Отсюда «новые люди» Чернышевского и все вообще Homo novus.

– Но революция никогда не имела целью того именно человека, который фактически явился в результате.

– Да, вечное «не то», но в результате того, что революция его извлекла, ибо в ней так заложено. Что с неумолимой жестокостью проступает изнутри феномена революции и над чем ломал голову Гегель Темный, усматривая хитрость Абсолютного духа. Приходят в движение странности человеческого существа, которые надо вывести из его сумрачных первоначал.

Проигрывается экзистенциальная каверза: человек революции хочет оставаться ее вечным протагонистом. Отсюда он в какой-то момент взмывает вверх... а потом? Потом развилка: либо тебя убьют, либо ты убьешь – либо сам обратишься в нечто кошмарное, хуже старых царей и тиранов. Ты убежден, что эта схема безвозвратно ушла и не повторится? Давай в меру возможного пособим процессу без крови и в меру человеку отпущенного останемся сами собой. Массовая утрата лица и речи людьми достаточно близкими меня сокрушает не меньше, чем тебя украинские «сечевики». Пойми, нет у нас других решений сейчас. И трудно добиться, чтобы еще бо́льшая кровь не пролилась. Очень бо́льшая кровь.

4. Определение революций. «Черный ящик». Сотворение врагов и отказ от лояльности

– Что значит для тебя революция? Если для словаря.

– Революция – известное, повторяющееся и хорошо описанное, но, несмотря на описания, остающееся невыясненным событие новейшего отрезка существования Homo historicus. Она человеческий феномен, внутри истории впервые явственно заявленный христианством, что отнюдь не второстепенно. Все исторические разборы не превратили этот феномен в менее загадочный, таков он по происхождению.

Представьте черный ящик. На входе то, что зовут «предпосылками», а на выходе из черного ящика – результат. Главные предпосылки революция создает своим собственным ходом, что и делает ее трагедией. Люди в революции не удовлетворяются отдельными преобразованиями, замахиваясь на такие, которых им заведомо не осуществить в обозримое время. Любопытно, что революции часто начинались как неудача реформы. И у Октябрьской в истоках крах Столыпина. Сперва хотят провести реформы ограниченно, при данном составе людей и данных свойствах их натуры. Но феномен революции произведен от императива творения чело-

века в уплотненные сроки. Заглавная идея революции: миру явился новый человек!

Еще раз возвращаюсь к революционному «черному ящику». Если революция – феномен, творящий предпосылки в своем движении, творение касается не того, как быть с землей и фабриками. Но, как во Французской революции, – декретировать ли хлебный максимум *под угрозой смерти*? Диктат обновления: вы станете новым человеком – либо врагом. Вот где мерило, и лояльность ему не подходит. Революция обладает тем свойством, что не ищет лояльности: только соучастие! Все другое значит, что ты против революции. Человек, который говорит революции: хорошо, я не возражаю, – уже почти враг, контрреволюционер. Революции вечно не хватает врагов, и лояльный для нее – протовраг.

Легко сказать, что гильотина – дело сумасшедших, *ressort de fou*. Кромвелю мало было отрубить голову королю, надо было далее рубить головы шотландцам, ирландцам... Не безумие ли превращать людей в своих противников? Но у этого безумия есть логика: жажда врага. Потребность революций во враге, откуда-то же она вырастает?

Каковы причины, что явление, известное людям и происходившее при их участии, оплачено таким множеством гибелей? Я приурочиваю гибельность не только к нашей революции – ко всем. Считая Октябрьскую последней и обозревая ряд исторических революций, должен сказать: революции гибельны все! Есть три определения: смерть, убийство

и гибель. Результат один и тот же – труп. Но гибельность революций еще не убийство. Гибельность сопутствует человеческим превращениям, которые по ходу революции превосходят наличные возможности людей.

Революций нет без лидеров. Особенно это относится к Октябрьской, но так и у Кромвеля, и у Робеспьера. Люди, которые являются лидерами в ее первой, радостной фазе, чувствуют, как в них открывается зов истории. Появляются харизматические лидеры, это не так банально. И если, находясь в центре революции, как Ленин или Махно, лидер пожелает ее модерировать, то она воспротивится тому, чтобы ее модерировали. Революция немодерируема вообще либо по природе сопротивляется модерации.

Речь не о том, что я понимаю под революцией, а что революция понимает под самой собой! Судный день – первый из образов революции. Превращение людей революции в «новых людей» стягивает к себе остальное. Без этого феномена революции нет вообще. Наталкиваясь на невозможность, феномен создает гибельную ситуацию. Тогда настает пора говорить о *термидоре*. Придавая этому слову уже не локальный смысл, а широкую философско-историческую рамку модели *остановки* революции.

5. Революция аномальна.

Как ее останавливают?

Термидорианцы и имперские нации

– Что при этом можно сказать о технике революций?

– Революции по природе своей аномальны. Революция – состояние, которое норовит себя продлевать, претендуя быть вечным двигателем. Она длит себя не в исходных формах, а по нарастающей экстремально! Исходное опережение умножается эскалацией, приобретая новые свойства. В конце концов революция, в ее классическом французском образце, с помощью гильотины пыталась найти свою результирующую и свою равнодействующую. Ради самоувековечивания отсекая головы направо-налево.

– Революция у тебя представлена силой, которая захватывает людей, но не как творимая ими, а их творящая?

– Ими творимая *и* их творящая, так вернее. Здесь коллизия: *ими* творимая, но творящая *их*. Тут много глубоких вещей. Самые укорененные связаны с природой человеческого слова, считая, что «человек» – это слово прежде всего. В слове заложено определяющее человека сочетание *избыточности с недостатком*. Слово избыточно, творяще и недостаточно: странное, но работающее сочетание. Нечто всегда нами делается «прежде времени»!

Поначалу революции представлены одиночками, хотя они – одно из самых массовых и массированных явлений в истории человека. Мы видим революцию в момент штурма Бастилии, но это же не начальный ее этап. До толп на улицах являются новые люди, которые «преждевременны» и обладают умением свое «прежде времени» реализовать. Конечно, к этому потом найдут множество предпосылок – экономических, социальных или идеологических. Но всех предпосылок, взятых вместе, для прихода революции недостаточно.

– Может, предпосылку надо искать в другом?

– Нет, это свойство истории как самотворящего процесса. То, что история ищет и выдумывает себя, изобретает, в концентрированнейшем виде представлено революцией. Как какая-нибудь там «черная дыра» в космологии, не знаю. Важно разглядеть в революции явление, восходящее к началу человека. Она появляется уже внутри собственно человеческого развития на поздней его ступени – исторической.

Когда мы истинно имеем дело с революцией, нельзя не поставить вопрос: *как ее остановить?* И это не прагматика, а коренная тема, тема-ядро. И кто сможет ее остановить? Революционная аномальность чересчур велика, самотворящее переходит в самопожирательное. Вопрос, как ее остановить, уточняется другим вопросом: *во что* перевести Революцию? В норму, которой ранее не было. Тогда возникает вопрос о термидоре в широком смысле. Французский эта-

лон – это переход от термидорианцев³ к Наполеону, с раздвиганием рамки термидора на весь континент Европы. В конце концов, чем была остановлена Французская революция? Code Napoleon⁴. Устранением носителей революционной экстремы с переводом внутреннего хода Революции во внешний ход.

– Внутреннего во внешний – то есть в экспансию? Уточни.

– В смысле Наполеоновских войн, сокрушавших монархии с унаследованными от Средневековья режимами – тем, что неточно именуют феодализмом. Далее преобразование Европы пойдет реакцией против экстремальных, из революции вышедших замашек Наполеона. Финалом станет скоростное превращение вчера еще «отсталых», по сравнению с Францией, стран в *нации*. Защищающиеся от континентального державства Наполеона, от империи, распространившейся на Европу.

Термидор увенчается триумфом Англии. Первой пройдя свою революцию, она в единоборстве с Наполеоном утверждает себя демиургом буржуазности – мастерской Мира. Распространяясь, творя колониальное господство и либерализуясь внутри. Целая эпоха себя завершает, конституируя и отвердевая в правовых установлениях. С этой точки зрения Маркс прав, когда говорил, что нет множества буржуазных

³ Термидорианцы – организаторы переворота (27 июля 1794 г.), ликвидировавшего якобинскую диктатуру во Франции.

⁴ «Кодекс Наполеона» – свод законодательных актов Франции, принят в 1804 г.

революций, а есть одна Революция. По отношению к которой бельгийская, швейцарская, немецкая, французская революции – фазы одного явления. Только американская революция специфична, потому что была все-таки освободительным движением против английской короны на другом континенте.

Феномен не описать, и не дорасти до его понимания, не вводя внутрь самой революции усилия, предпринятые, чтобы ее *остановить*. В революции есть нечто, представляющее вторичной невозможностью, – она не может сама себя остановить. Ее внутреннее начало сдвигается вне ее, а там уже и пространственно вовне. Прекращая революцию в начальных границах, люди переносят ее на непочатое пространство – а когда и оно исчерпано, тогда что? Что выступает против революции? То, что ее останавливает, оно чем питается? Чем-то, что *вне* истории, но также является человеческим. Тем, что в человеке вообще остается вне истории.

– Чисто негативное определение.

– Его можно проследивать на примерах, придав конкретную плоть. Будем ли мы это называть «гуманизм» или «либерализм», будем ли называть «права человека» или еще иными словами, но для меня существенно то, что нечто есть в человеке – и что оно вне человеческой истории.

Разница между «сводимо» и «выводимо» для методологии исследования, для философии истории колоссальна. Но есть нечто в революции, что и несводимо к так называемым

предпосылкам, но и невыводимо из них.

– Твое понятие «пред-посылки» – это что такое?

– Это опрокинутый в исходный пункт исторический результат! История – та полоса человеческого существования, когда люди оперировали результатом. На этом опрокидывании человек строил самое свое существование, таким образом утверждая себя историческим. Он делал ставкой в этом свое существование.

– Но это мысленная конструкция.

– Она не просто мысленная. Это силовой силлогизм, речевой ход и исходящее из него обустройство жизни. История выступает как самотворящий процесс: она себя ищет, и она себя придумывает. Люди в истории всегда имеют дело с опрокинутыми в прошлое результатами как своими отсчетными точками.

Ты можешь умно возражать вместе с Чернышевским, что «история – не тротуар Невского проспекта»⁵. Можешь говорить о «зигзагах истории», усложнять и утончать представление о ней, а все-таки от ее магистральности не уйти. Вот та речевая и поведенческая конструкция, в рамках которой обустроивался человек. Но конструкция, которая никогда не исчерпывала его повседневного существования. Не только за пределами домена *Homo historicus* – территории, где история

⁵ «Исторический путь – не тротуар Невского проспекта» – в статье Н. Г. Чернышевского «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» (1861).

впервые сформировалась и откуда повела экспансию, но и в пределах ее самой.

Все, что явственно прослеживается в феномене о революции и обязывает нас его учесть.

**6. Октябрьская революция никогда
не была остановлена. Русская
проблема нормы. Ряд Утопия –
Революция – История – Человечество**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.